

**МЕЖДУ «ЕЖАМИ» И «ЛИСАМИ»:
ВОСПРИЯТИЕ ТВОРЧЕСТВА
Э. ЛЕ РУА ЛАДЮРИ В СССР
И В РОССИИ**

Трудно сказать, что именно хотел сказать Архилох, обогатив западную культуру оппозицией: «Лис знает много, еж – одно, но важное», но эта классификация неоднократно применялась по отношению к творческим людям. Мы можем ее найти у Исая Берлина¹, для которого лисами были Шекспир и Пушкин, а ежами – Достоевский и Ницше; и у Сержа Московичи, для которого эта пара зверей символизирует два лика исследователя². Пока ученый находится в поиске, он рыщет, не разбирая дороги, хитрит с методами, произвольно комбинирует разрозненные факты, поскольку главное для него – схватить добычу. Но все меняется, когда исследователь решит взяться за объяснение массы полученных результатов. Он, как еж, сворачивается в клубок и выпускает иголки, отвергая все, что противоречит его собственному мнению и ущемляет его. Свои результаты он рассматривает в контексте одной дисциплины и, исходя из единственной причины, ищет ключ к загадкам. С точки зрения Московичи, каждый исследователь временами предстает в одном из этих обликов. И все же трудно отрицать, что некоторые из нас в большей степени ежи, а другие – лисы.

Во всяком случае – Эмманюэль Ле Руа Ладюри – классический «лис»: обладая завидной исторической интуицией, он не просто умеет находить материал в самых неожиданных местах, но всю жизнь смело вторгается на новые территории, прокладывая путь для будущих любителей междисциплинарных связей. Он одним из первых всерьез занялся историей климата, соотно-

Павел Юрьевич Уваров, член-корреспондент РАН, заведующий Отделом западноевропейского Средневековья и Раннего нового времени Института всеобщей истории.

¹ Берлин И. Еж и лиса // История Свободы. Россия. М., 2001. С. 183-286.

² Московичи С. Машина, творящая богов. М., 1998. С. 22-24.

ся тексты хроник и налоговых описей с данными гляциологов, и даже сам, обзаведясь бензопилой, валил деревья на своем участке, чтобы постичь тайны дендрохронологии. Он был сторонником применения радиоуглеродных методов датировки и в команде с физиками и химиками при помощи изотопов пытался определить происхождение серебра испанских монет, чтобы понять, когда именно серебро перуанских рудников в массовом порядке хлынуло в Европу. Был также энтузиастом количественных методов, но вместе с тем его можно причислить к числу «отцов-основателей» исторической антропологии. А вот в личине «ежа» его трудно себе представить. Недаром в советские времена его у нас объявляли противником исторического монизма и ярким представителем теории многофакторности. Трудно было представить, что, собрав в одну кучу всю свою добычу, он создаст на ее основе некую «теорию всего» и затем, ошетилившись, будет оберегать свою стройную универсальную методологию.

Таким вот «лисьим» характером этого историка и объясняется название недавней конференции, посвященной его 80-летию – «История, экология и антропология. Творчество Эмманюэля Ле Руа Ладюри перед лицом трех поколений исследователей»³. Состав выступавших в роскошном зале фонда Зингер-Полиньяк напоминал Ноев ковчег: специалисты по истории климата, гляциологи, демографы, виноделы, специалисты по антропометрическим исследованиям, по исторической географии, аграрной истории, истории институтов, знатоки Ренессанса и любители травелогов, исследователи Религиозных войн и придворной культуры, специалисты по революционному террору. Но их соединение в одном месте оказалось вполне органичным, потому что всеми этими дисциплинами в разное время занимался юбиляр, который на протяжении двух дней конференции сидел в президиуме, сопровождая буквально каждый доклад своими комментариями, как всегда непредсказуемыми и парадоксальными.

Подзаголовок конференции предполагал участие трех поколений историков – современников Ле Руа Ладюри, его учеников и учеников его учеников. Кроме того, одна из секций была посвящена восприятию его идей в разных странах, в частности Италии, Польше и России. Рассказать о рецепции творчества юбиляра в нашей стране пригласили меня, и я с радостью согла-

³ Histoire, écologie et anthropologie. Trois générations face à l'œuvre d'Emmanuel Le Roy Ladurie. Les 15 et 16 janvier 2010. Материалы конференции размещены на сайте:

⁴http://www.dailymotion.com/playlist/x17ois_SINGER-POLIGNAC_1-oeuvre-d-e-le-roy-ladurie/1

сился, подготовив текст, который теперь предлагаю вниманию читателей ФЕ.

Но чтобы показать французам, какими путями шло знакомство нашей аудитории с творчеством Ле Руа Ладюри, мне пришлось объяснять им некоторые вещи, на мой взгляд, совершенно банальные. Я даже думал опустить эти пассажи в русском варианте текста. Однако, к моему удивлению, выяснилось, что именно они-то и стали откровением для французских коллег, которые потом признались мне, что совершенно не представляли себе условий работы советских историков. И я подумал, что если во Франции три поколения историков работают, хотя и по-разному, но примерно в схожих условиях, то в нашей стране уже выросла генерация, для которой особенности существования советской науки выглядят такой же экзотикой, как и диспуты средневековых схоластов. Поэтому я оставил текст без существенных изменений.

* * *

Работы Э. Ле Руа Ладюри получили первый отклик в СССР на рубеже 60–70-х гг. Надо напомнить, что советские историки обладали рядом важных особенностей. Прежде всего, бросается в глаза, что людей, занимавшихся историей не своей страны, а историей Запада (особенно Франции) периода Средних веков и Нового времени, было неожиданно много, и они пользовались большим престижем среди прочих коллег. Еще до революции 1917 г. некоторые отличившиеся в этой области российские историки завоевали высокую международную репутацию, особенно те, кто занимался историей крестьян, – И.В. Лучицкий, Н.И. Кареев, М.М. Ковалевский, П.Г. Виноградов, Д.М. Петрушевский. Уроженцам страны, где аграрный вопрос был необычайно острым, было что поведать западным коллегам об аграрном строе Средневековья и Старого порядка.

После революции эта традиция оказалась прервана, но когда в середине 1930-х гг. началось восстановление системы исторического образования, в ней достаточно важное место заняла медиевистика, чья хронологическая граница была теперь поднята вплоть до эпохи «буржуазных революций». Поле медиевистики лучше всего подходило для демонстрации преимуществ марксистского метода исторического познания. Только советская историография, вооружившись единственно правильным учением, могла ухватить суть средневекового общества, раскрыв «основной закон феодализма». Сделать это было проще на запад-

ном примере, поскольку он был лучше изучен и лучше освещен в источниках. Обретенная марксистская методология давала ключ к правильному истолкованию истории всех остальных регионов мира – истории, безнадежно искаженной буржуазной наукой.

Оставлю в стороне особенности работы советских медиевистов: неизбежно агрессивный тон полемики, в особенности полемики с западными коллегами (методологий и научных позиций могло быть только две: правильная, то есть марксистская, и все остальные), невозможность командировок в изучаемые страны, страх репрессий и т.д.

С середины 50-х гг. «высокий сталинский стиль» понемногу стал смягчаться – стало возможным участие в международных коллоквиумах, из лагерей возвращались уцелевшие историки, было дозволено и цитирование зарубежных авторов без обязательного эпитета «реакционный буржуазный историк». В 60-х гг. стало допустимым говорить о некоторой вариативности трактовки прошлого, разумеется, в рамках единой марксистской концепции исторического материализма. Но после падения Хрущева в 1964 г. началось «ужесточение», ставшее особенно заметным после «Пражской весны». В журнале «Коммунист» появилась статья, где обличались некоторые советские историки, в основном античники и медиевисты, увлекшиеся модными течениями структурализма. Многие ждали новой волны арестов.

И вот в этих условиях А.Д. Люблинская и В.Н. Малов пишут развернутую рецензию на объемистый и, пожалуй, самый значимый труд Ле Руа Ладюри – «Крестьяне Лангедока»⁴. Эта рецензия носила положительный, местами даже восторженный характер. А.Д. Люблинская была наследницей старой петербургской школы, прекрасным знатоком источников и яростным противником схем Б.Ф. Поршнева. Ее ученик В.Н. Малов, ответственный секретарь редакции «Средних веков», в ту пору увлекался применением математических методов в исторических исследованиях. Помимо работ по палеографии, он интересовался динамикой хлебных цен при Старом порядке. И хотя с некоторыми положениями Ле Руа Ладюри они были не согласны – например, с отсутствием полноценного анализа социальных структур сельского мира; с увлечением психоанализом, способным пре-

⁴ Люблинская А.Д., Малов В.Н. Рец. на кн.: E. Le Roy Ladurie. Les paysans (sic!) de Languedoc. Paris, 1966 (Bibliothèque générale de l'École Pratique des Hautes Études VI section). Э. Леруа Ладюри. Крестьяне Лангедока. Париж, 1966 // СВ. Вып. 34. М., 1971. С. 317-323.

вратить историка в психиатра, – в целом рецензенты пришли к выводу, что книга «рекомендуется советскому читателю». Эта рецензия была опубликована в 1971 г. В том же году географическое издательство в Ленинграде издало сокращенный перевод «Истории климата»⁵. Однако следует помнить, что издательский цикл в СССР был длинным – и рецензия, и перевод готовились еще в 1969 г., если не раньше.

А с тех пор времена изменились – гайки закручивались все туже. Вскоре В.Н. Малов, не проявивший должной идеологической бдительности, был смещен с должности ответственного секретаря «Средних веков». Больше научных рецензий на труды Ле Руа Ладюри до самого конца советской власти не публиковалось.

Зато его имя часто упоминалось в историографических обзорах. Так, в 1976 г. на страницах журнала «Коммунист» была опубликована статья на тот момент наиболее авторитетного из советских историков Французской революции А.З. Манфреда, где давался отпор поползновениям таких историков, как Ф. Фюре, Д. Рише и Ле Руа Ладюри, поставить под сомнение антифеодальный характер Революции XVIII в. Причем, Ле Руа Ладюри отводилась роль лидера «новой школы». Но это вовсе не накладывало табу на анализ его работ, а как раз напротив, ведь по выражению того же Альберта Захаровича, «стрелы, направленные против Французской революции XVIII в., целят дальше, – это стрелы и против Великой Октябрьской социалистической революции, могущественного Советского Союза, против мировой системы социализма, против рабочего и национально освободительного движения, против всех демократических, прогрессивных сил, с которыми связано будущее человечества»⁶. Перевод этого высказывания из плоскости идеологической в прагматическую означал следующее: изучать причины Французской революции крайне важно, поскольку такие штудии находятся на острие главного противостояния современности. В связи с этим пристального внимания заслуживает современная историография Французской революции, и в частности фигура Ле Руа Ладюри как «вдохновителя ревизионистов». Тем самым повышался статус трудов этого французского исследователя.

И действительно работам экстравагантного французского

⁵ Ле Руа Ладюри Э. История климата с 1000 года. Л., 1971.

⁶ Манфред А.З. Некоторые тенденции зарубежной историографии // Манфред А.З. Великая французская революция. М., 1983. С. 419. – Цит. по: Чудинов А.В. Смена вех: 200-летие Революции и российская историография // ФЕ 2000. М., 2000.

историка отныне уделялось достаточно много внимания. В 1979 г. вышла книга, посвященная основным тенденциям в новейшей французской историографии⁷. Ее автор, М.Н. Соколова, ученица академика Е.А. Косминского, начинала свою исследовательскую деятельность как специалист по истории средневековой Англии, однако впоследствии переключилась на критику «буржуазной» историографии. Это был особый жанр, в целом поощряемый властями. Важно было показать «разложение» буржуазной науки и триумф метода исторического материализма. Но, как это бывало в средневековом богословии, яростная критика еретиков давала шанс составить представление об их взглядах. В ряду критикуемых авторов ею авторов (Р. Мунье, Ф. Бродель, Фюре, Э. Лабрусс, Ж. Ле Гофф и др.) важное место занимал и Ле Руа Ладюри. Обвинения в мальтузианстве, в отказе от исторического монизма в пользу многофакторности, в игнорировании классовой борьбы, в биологизме и итоговая констатация провала проекта тотальной истории не помешали Соколовой достаточно подробно ознакомить читателя с достижениями этого историка. Однако акцент был сделан на том, какой вред проистекает от столь безудержной междисциплинарности⁸.

В.М. Далин, историк старшего поколения, несгибаемый марксист, отсидевший в сталинских лагерях, знаток Французской революции, публикатор документов архивного фонда Гракха Бабёфа, выпустил в 1981 г. книгу очерков о русских и французских исследователях, изучавших в XIX–XX вв. историю Франции. В одном из очерков, посвященном судьбам школы «Анналов», нашлось место и «Крестьянам Лангедока». Виктор Моисеевич отдавал должное богатству использованных автором методов и разнообразию привлеченных источников (он даже объяснил русскому читателю, что такое *сotроix*), но в целом вывод был таков: «Книга прекрасно написана, в ней бьется новая мысль, но стремление быть оригинальным приводит автора к поспешным выводам»⁹. Главный упрек – сознательный отказ автора рассматривать в качестве главной сюжетной линии книги проблему ге-

⁷ Соколова М.Н. Современная французская историография. М., 1979.

⁸ «Следует отметить, что идеи Ле Руа Ладюри, хотя они и способствовали развитию некоторых более точных методов исследования, сыграли немалую роль в противостоянии марксистскому пониманию истории. Динамизму, в котором решающее место принадлежит массам, их борьбе за свои права, Ле Руа Ладюри противопоставил «структурообразующие факторы», «неподвижную историю», в основе которой лежит антиисторизм, отрицание роли исторического факта». – Соколова М.Н. Указ соч. С. 292.

⁹ Далин В.М. Историки Франции XIX–XX вв. М., 1981 С. 222.

незиса капитализма во французской деревне. И вообще – явно недостаточное внимание проблемам социальной стратификации и социальной борьбы. Так, антиналоговая составляющая восстания камизаров, на словах, признается, но ей уделено лишь две страницы, тогда как различным крестьянским «неврозам» – целых шестнадцать. Далин подчеркивал отличие Ле Руа Ладюри от представителей «русской школы»: они сочувственно описывали трудную долю французских крестьян, а у французского автора, видевшего в восстаниях порождение мазохизма и истерии, этого сочувствия не заметно. Далин весьма скептически отнесся к «клиометрическому манифесту» Ле Руа, заявившему, что «историк завтрашнего дня будет программистом или его не будет вовсе»¹⁰, и не без ехидства заметил, что за истекшие десять лет Ле Руа Ладюри так и не стал программистом, хотя и не перестал быть историком. В книге приведены возражения таких признанных мэтров западной экономической истории, как Сликер Ван Бат и Морино, против выводов «Сельской истории Франции», обобщающего коллективного труда под редакцией Ле Руа. Но самый главный упрек Далина состоял в том, что Ле Руа Ладюри симпатизирует «ревизионистам» истории Французской революции – Даниелю Рошу, Франсуа Фюре и Дени Рише. Позиция автора «Историков Франции» – это позиция не огульного критика, но, по его собственным словам, – взволнованного сочувственного наблюдателя за историей «Анналов», когда-то державшего в руках первый номер этого журнала и с тревогой следящего за его эволюцией. Далин приводил фразу М. Блока из «Странного поражения»: «Две категории французов никогда не поймут истории Франции: те, кого не волнует память о коронации в Реймсе, и те, кто без трепета читает о празднике Федерации», – и тут же продолжал: «...уввы, к празднику Федерации клиометристы третьего поколения “Анналов” совершенно равнодушны. И в этом, может быть, особенно явственно сказывается и отход от направления “Анналов” М. Блока, Л. Февра и Ф. Броделя»¹¹.

В 1980 г. вышла книга Ю.Н. Афанасьева «Историзм против эклектики»¹², посвященная исключительно «школе Анналов». В отличие от Соколовой и Далина Афанасьев не был «практикующим историком»: сразу же после университета он пошел на комсомольскую работу. И только уже в совсем зрелом возрасте,

¹⁰ Там же. С. 232.

¹¹ Там же. С. 249.

¹² Афанасьев Ю.Н. Историзм против эклектики. Французская историческая школа «Анналов» в современной буржуазной историографии. М., 1980.

оставив поприще партработника, он начал писать диссертацию по историографии. Само заглавие работы противопоставляло истинное и ложное знание. И хотя сегодня эта оппозиция выглядит уже не столь явной (Морис Эмар не без гордости называет эклектику вполне подходящим термином для «стиля Анналов»¹³), в ту пору заглавие, как и общие выводы, казалось, не оставляли сомнений в позиции автора: современное состояние «школы Анналов» отражает усиление противоборства сил коммунизма и антикоммунизма, причем «третьи Анналы» представляют собой последнее усилие буржуазной науки в этом противостоянии.

Среди прочих историков, Афанасьев отдавал должное и Ле Руа Ладюри, признавая, что тому удалось в «Крестьянах Лангедока» достичь уровня тотальности. Автор даже знакомил советского читателя с метким прозвищем, которое французская пресса дала Ле Руа: «Браконьер Клио». Однако пороки этого «браконьера» велики: стремление создать «историю без людей», апологетика антинаучного учения Мальтуса, проникновение биологии и натурализма в гуманитарные науки. В итоге получилась раздробленная история, не учитывающая специфику предмета исторической науки. В этой истории нет общества, которое обладает самостоятельным бытием, специфическим качеством целого, а не является механической суммой отдельных входящих в него субъектов¹⁴. Но любопытно, что для доказательства этой мысли автор взывал к авторитету не К. Маркса, Ф. Энгельса или даже Г.В.Ф. Гегеля, но А.Ф. Лосева. К сожалению, для будущих поколений исследователей советской культуры может оказаться утерянным этот особый семантический код, которым владели советские гуманитарии-«обществоведы». При абсолютной необходимости подкреплять свои мысли мнениями авторитетов автор обладал некоторой свободой выбора – мог сослаться на решения очередного съезда КПСС, а мог на работы Антонио Грамши, и выбор говорил о многом. В данном случае А.Ф. Лосев хотя и был назван «советским философом» (благодаря чему его мнение вполне резонно противопоставлять буржуазным «эклектикам»), но советские-то читатели прекрасно понимали, что Лосева, ученика и последователя Павла Флоренского, при всем желании нельзя было считать марксистом. Пройдет еще несколько лет, и Лосева открыто начнут величать «русским религиозным философом». Уже одна эта деталь может указать на недогматический стиль

¹³ Эмар М. «Анналы» – XXI век // Одиссей. Человек в истории 2005. М., 2005. С. 132

¹⁴ Афанасьев Ю.Н. Указ соч. С. 213

работы Афанасьева, предпринявшего, по сути, весьма успешный анализ движения «Анналов». В отличие от Соколовой он настаивал на единстве «Анналов», разглядел он и потенциальную угрозу бесконечной фрагментации исследования (о чем вскоре напишет Франсуа Дос¹⁵). Видно было, что автор – весьма вдумчивый критик. И уже в этой книге с боевым названием просматривались зерна будущей теоретической эволюции Афанасьева.

Специальные историографические труды не были единственным каналом ознакомления советских историков со «школой Анналов», и в частности с трудами Ле Руа Ладюри. В СССР существовала параллельная сеть информации – информационные центры по естественным и общественным наукам, имевшие возможность выпускать особые реферативные журналы и сборники, содержащие объективное, нейтральное изложение книг западных авторов. Эти издания не поступали в продажу, а изначально распространялись по особым спискам в научные библиотеки, имея гриф «для служебного пользования», что либо освобождало их от цензуры, либо сильно облегчало ее условия. И, что очень важно, с ними можно было ознакомиться в научных библиотеках.

Рефераты писали такие интересные историки, как А.Я. Гуревич, Ю.Л. Бессмертный, А.П. Каждан. Они же с редактором серии А.Л. Ястребицкой выступали составителями таких сборников, подбирая для реферирования наиболее важные книги. Так я впервые узнал о «Монтайю – окситанской деревне» и о «Карнавале в Романе» – двух бестселлерах Ле Руа Ладюри 70-х гг.

Эта параакадемическая деятельность была весьма характерна для формирования того, что Н.Е. Копосов назовет «несоветской медиевистикой в СССР»¹⁶, обозначив так группу гуманитариев, формально не порывавших связей с официальными научными структурами, но все дальше отходивших в своих работах от стилистики исторического материализма. Наиболее характерен в этом отношении пример скандинависта А.Я. Гуревича, в 1972 г. опубликовавшего свою книгу «Категории средневековой культуры», где не было ни единой цитаты из классиков марксизма. Полуофициальные конференции и семинары, полуофициальные рефераты и рукописные переводы – на моих глазах формировалось нечто вроде исторической «контркультуры» со своей эти-

¹⁵ *Dosse F.* L'histoire en miettes. Des "Annales" à la "Nouvelle histoire". P., 1987.

¹⁶ *Копосов Н.Е.* (при участии Бессмертной О.Ю.) Юрий Львович Бессмертный и «новая историческая наука» в России // Homo Historicus. К 80-летию Ю.Л.Бессмертного. Кн.1. М., 2003. С.131.

кой, своим пантеоном авторитетов, в который входил и Ле Руа Ладюри. К «анналистам» относились с большим интересом, что не мешало их критиковать. Уже много позже Гуревич опубликует книгу «Исторический синтез и Школа “Анналов”», где обобщит и то, что он ранее писал о Ле Руа Ладюри. Его анализ напоминал рецензию Люблинской и Малова. Видно, что пишет скорее «практикующий историк», чем историограф. Для Гуревича оригинальный стиль Ле Руа – не второстепенное, но главное качество. И главную его заслугу он видит в умении раскрыть внутренний мир «немотствующего большинства»¹⁷. Разбирая «Крестьян Лангедока» и «Карнавал в Романе», Гуревич вполне критичен, ему претит увлечение автора психоанализом, смелые параллели с современностью и даже недостаточное внимание к эволюции социальных отношений в деревне. Словом, он подмечает то же, что и другие советские историки. Но если для Далина и Афанасьева вина Ле Руа заключалась в отходе от «линии Броделя», то для Гуревича недостатки в работах Ле Руа объясняются именно негативным влиянием Броделя. Для Гуревича, воспевавшего историческую антропологию, монументальные сочинения Броделя были отступлением от поисков человека в истории, начатых Блоком и Февром. И заслуга «третьих Анналов» виделась ему в том, что Ле Гофф и Ле Руа сделали важный шаг к возвращению человека в качестве основного центра исторического исследования, к утверждению «исторической антропологии»¹⁸.

Итак, мы наметили два основных маршрута, по которым осуществлялось знакомство русских историков с трудами Ле Руа Ладюри. Но было бы упрощением видеть в них его «врагов» и «друзей». «Друзья» порой были настроены критически, «враги» признавали неоспоримые заслуги. Разница была в акцентах, интонации и установках, но она диктовалась еще и законами жанра. Историографическое обозрение должно было показать тавтологическую несостоятельность буржуазной (или как эвфемизм – «немарксистской») методологии именно потому, что она была немарксистской. Но люди, действительно не принимавшие «школу Анналов», просто ничего не писали о ней или ругали, не

¹⁷ Гуревич А.Я. Исторический синтез и Школа «Анналов». М., 1993. С. 169.

¹⁸ «Если не ошибаюсь, он назвал себя где-то последователем Фернана Броделя. Я не склонен принимать это утверждение всерьез... Леруа Ладюри с самого начала пошел другим путем, путем историка, для которого история вещей представляет интерес лишь постольку, поскольку в ней выражается человеческая ментальность». — Гуревич А.Я. Указ соч. С. 189.

анализируя¹⁹. Во всяком случае, между двумя маршрутами вскоре наметилося сближение.

Уже статья Афанасьева в «Вопросах истории» (написанная еще до всякой Перестройки) намечала пути для такого сближения²⁰, тем более что он, пользуясь своим влиянием, готовил масштабный проект издания «Материальной цивилизации» Броделя. Оба маршрута пересеклись в 1989 г., когда усилиями Афанасьева, Гуревича и Бессмертного, а также нового директора Института всеобщей истории А.О. Чубарьяна была проведена масштабная конференция, посвященная юбилею «школы Анналов». По свидетельству очевидцев, ситуация немного походила на карнавальную инверсию – в президиуме вчерашние «невыездные» историки, а представители советского историографического истеблишмента – в зале, на правах зрителей и статистов²¹. Советские историки обсуждали пути синтеза лучших традиций марксистского направления с достижениями «школы Анналов». Гости вежливо кивали головами. Среди французских звезд первой величины был и Ле Руа Ладюри.

Здесь можно было бы поставить точку – это был триумф...

Марксизм-ленинизм как единый метод всех советских историков рухнул с еще большим шумом, чем Берлинская стена. Но ни ученые, ни преподаватели не могли существовать без надежного каркаса цитат, без пантеона авторитетов. В наш Институт всеобщей истории приходили встревоженные письма: «Мы поняли, как *не надо* писать историю и как *не надо* ее преподавать. Но вы должны срочно нам объяснить, как теперь ее *надо* преподавать!» Одним из вариантов ответа на этот вопрос было желание писать историю так, как учит «правильный» научный метод «школы Анналов». Мэтров не только «первых» и «вторых», но

¹⁹ Примером такого отношения может служить «методологическая» статья ответственного редактора сборника «Средние века» (Данилов А.И. Историческое событие и историческая наука // СВ. Вып. 43. М., 1980. С. 13-31), направленная против западных «структуралистов», в особенности Броделя, а косвенно – против их советских единомышленников. В этой статье Ле Руа Ладюри упоминается как сторонник версии о неподвижности европейской экономики XIII–XVIII вв., но цитируется в пересказе другого историка, в ту пору являвшегося заместителем главного редактора того же издания, см.: Чистозвонов А.Н. Валовый доход крестьянских хозяйств и государственное налогообложение в Голландии в начале XVI в // СВ. Вып. 42. М., 1978. С. 84-97. Но и в той, на сей раз не «методологической», а конкретно-исторической статье, работа Ле Руа цитировалась лишь однажды, да и то речь шла вовсе не о «Крестьянах Лангедока» и даже не об «Истории сельской Франции», а о программной статье в «Анналах» про «неподвижную историю».

²⁰ Афанасьев Ю.Н. Вчера и сегодня «Новой исторической науки» // ВИ. 1984. № 8. С. 24-37.

²¹ Коносов Н.Е. Указ. соч. С. 143.

и «третьих» Анналов заставили играть несвойственную им роль Маркса–Энгельса–Ленина, начав цитировать по каждому поводу. В РГГУ, университете, созданном Ю.Н. Афанасьевым на месте бывшей Высшей партийной школы, был основан Центр исторической антропологии им. Марка Блока, призванный стать форпостом распространения нового подхода к истории, идущего на смену устаревшим историческим школам, над которыми тяготел первородный грех советского марксизма.

Впрочем, это была всего лишь тенденция, поскольку «школа Анналов» менее всего подходила на роль «всепобеждающего учения». Для того, чтобы работать с такими авторитетами, требовалось искусство куда более тонкое, чем у средневековых глоссаторов. И Ле Руа Ладюри был для этого одним из наименее подходящих авторов. Одни ссылались на него как на апологета «истории без людей», другие, напротив, – как на борца за «возвращение человека в историю», третьи – как на сторонника неподвижной, несобытийной истории, четвертые, наоборот, – как на мастера реконструкции исторического события. Одни провозглашали его зачинателем «истории ментальностей» и отцом-основателем «исторической антропологии», другие же видели в нем верного представителя микроистории на французской почве.

Превращения в классика «советского образца», к счастью, не произошло. Ле Руа оказался слишком неудобен для этого, слишком уж противоречив. Но и с ним, и с другими «анналистами» происходила типичная процедура превращения в классика современного западного типа – цитируемого, но не читаемого.

Да и читать его по-русски было довольно сложно. В 1993 г. перевели на русский язык статью «Неподвижная история», опубликованную в альманахе *Thesis*, взявшем на себя в новых условиях функции прежних реферативных сборников. До сих пор ссылки на Ле Руа Ладюри в Рунете в основном относятся к этой статье²².

Альманах *Thesis* просуществовал недолго, но программа «Пушкин» французского правительства, призванная стимулировать переводы французских авторов на русский язык, а также плодотворная деятельность программы *Translation project* Центрально-Европейского университета и других институтов, связанных с фондом Сороса, вызвали целый вал изданий. «Короли-Чудотворцы» и «Феодалное общество» Блока, «Время

²² Ле Руа Ладюри Э. Застывшая история // *Thesis: Теория и история экономических и социальных институтов и систем*. Вып. 2. М., 1993.

соборов» Дюби, две книги Ариеса, целых восемь книг Ле Гоффа, три эпопеи Броделя в восьми томах, но долгое время – ни одной книги Ле Руа Ладюри.

Это легкообъяснимо. Такого автора очень трудно переводить, но не из-за сложного языка (по сравнению с Фуко или Рикёром он пишет очень просто), а из-за «лисьих» особенностей его стиля. Он постоянно вторгается на территории других дисциплин, проводит смелые аналогии, играет неожиданными метафорами, приближаясь к стилю Мишле и, что еще хуже, постоянно взывая к эрудиции читателей. Для иностранного потребителя его трудов, сколь бы ни был хорош переводчик, обязательно нужны пространственные комментарии и научный редактор.

Наконец, в 2001 г. в Екатеринбурге издали «Монтайю»²³. Это – огромный том. Для перевода он непросто, помимо прочего в тексте много специфически окситанских слов, масса сельскохозяйственных терминов. И вся эта работа шла на фоне кризиса, вызванного дефолтом. Надо отдать должное В.А. Бабинцеву, который направил свой перевод в Институт всеобщей истории, где опытный комментатор Д.Э. Харитонович взялся быть научным редактором и автором примечаний, обращаясь за консультациями ко многим медиэвистам. В итоге перевод получился вполне адекватным и удобочитаемым. Во всяком случае, по нему наши преподаватели охотно учат студентов. А если пуристы недовольно морщатся над отдельными абзацами, то их можно отослать к переводу следующего труда Ле Руа Ладюри – «Королевской Франции», опубликованной в 2004 г. Любопытно, что выпустило эту книгу солидное московское издательство с хорошим советским стажем. Но текст производит впечатление джунглей, куда не ступала нога человека. Поэтому советник Парижского парламента Ан Дюбур, казненный в 1559 г., превратился в мученицу Анну дю Бург, «мужественную руководительницу мелких протестантских фракций в Парламенте», а *Le Quart Livre* (Четвертая книга) «Пантагрюэля» в «известное» сочинение Рабле «Четверть ливра»²⁴. Самое пикантное, что и это издание финансировалось за счет программы «Пушкин», то есть из кармана французских налогоплательщиков. Рынок и свобода привели к тому, что институт научного редактирования канул в Лету как уродливое по-

²³ *Ле Руа Ладюри Э.* Монтайю, окситанская деревня (1294-1324) / Пер. с фр. В.А. Бабинцева и Я.Ю. Сенцова. Екатеринбург, 2001.

²⁴ *Ле Руа Ладюри Э.* История Франции. Королевская Франция. От Людовика XI до Генриха IV. 1460-1610 / Пер. с фр. Е.Н. Корендясова и В.А. Павлова. М., 2004. С. 187, 190.

рождение тоталитаризма. Увы, это в какой-то мере относится и к изданию «Регионов Франции», предпринятым уважаемым мною издательством РОСПЭН, которое почему-то на сей раз решило сэкономить на редакторе²⁵. В отличие от «Монтайо» ни «Королевская Франция», ни «Регионы» не вызвали особой реакции российского читателя.

Помимо падения культуры перевода и книгоиздания, сложность восприятия творчества Ле Руа Ладюри в современной России можно объяснить и тем, что для адекватного его понимания надо знать реалии французской истории, историографии, культуры. Если тридцать лет назад таких людей в нашей стране было немало, то сегодня ситуация совсем иная. Как мамонты, вымерли историки, занимавшиеся аграрной историей Франции, да и вообще экономической историей. Мало кто может теперь оценить эмпирическое богатство работ этого «браконьера Клио». Кроме того, исчезло само стремление с любопытством заглядывать в дырки «железного занавеса». Поиск методологических ориентиров ведется в основном уже в иной плоскости, а в условиях лингвистического поворота и деконструктивизма автор, открыто признающийся в том, что «вещи» интересуют его больше, чем «слова», кажется смешным анахронизмом. Ле Руа Ладюри продолжают цитировать часто, но цитаты эти взяты, как правило, из вторых рук. Парадоксально, что его, известного «философа», охотно цитируют «историософы» и «методологи», преподаватели теории и методологии исторического знания. Труды историка, буквально «помешанного» на работе с первоисточниками, используют у нас в основном люди, не имеющие опыта архивных изысканий и работы с эмпирическим материалом. Стоит ли удивляться, что российский читатель ничего не знает о его исследованиях, посвященных Сен-Симону²⁶ или Платтерам²⁷, которые широко обсуждались во Франции в последние двадцать лет.

Но мне не хотелось бы заканчивать свой рассказ брюзжанием. На самом деле идеи Ле Руа Ладюри присутствуют сегодня в трудах российских ученых в гораздо большей мере, чем это может показаться на первый взгляд.

²⁵ *Ле Руа Ладюри Э.* История регионов Франции. Периферийные регионы Франции от истоков до наших дней. / Пер. с фр. М.Б. Ивановой. М., 2005. См., например: «Более тысячи колонистов насадили таким образом в волюнтаристской манере генуэзское присутствие, установившееся над высоким мысом Бонифачо, маленькой почкой в известковой рудной жиле, напоминавшее скалы Кента, контролировавшим южное направление, как Дувр был «воротами Альбиона»» (С. 187).

²⁶ *Le Roy Ladurie E.* Saint-Simon ou Le système de la Cour. P., 1997.

²⁷ *Le Roy Ladurie E.* Le siècle des Platter. 1499-1628. T 1-3. P., 1995-2006.

Приведу лишь несколько примеров.

1. В ту самую эпоху, наступившую с конца 1980-х гг., когда все кинулись искать новые авторитеты, большую популярность приобрели идеи Л.Н. Гумилева. В свое время его с полным основанием можно было отнести к уже упомянутой «неофициальной советской науке», да и главное его теоретическое сочинение «Этногенез и биосфера земли», хотя и защищенное у географов, было не опубликовано, но депонировано, оказавшись все в той же «серой» зоне, что и реферативные сборники ИНИОНа. Доказывая связь главного субъекта истории – этноса – с климатическими, географическими, генетическими факторами, Гумилев решительно расходился с историческим материализмом. Сегодня он стал знаменем евразийцев: его именем назван университет в Астане, памятник ему стоит в центре Казани. В глазах современного общества историков он – фигура, мягко говоря, неоднозначная. Но для нас важно, что именно Гумилев первым в нашей стране опубликовал рецензию на русский перевод «Истории климата»²⁸ в журнале «Природа». И затем он часто ссылался на Ле Руа Ладюри в своих обобщающих работах, в которых старался набросать общую теорию этноса, рассказать об изменении уровня Каспийского моря или об отношениях Руси со Степью. Лев Николаевич ушел из жизни четверть века назад, но, учитывая популярность его работ, можно сказать, что благодаря Гумилеву происходит постоянная реактуализация идей Ле Руа Ладюри.

2. Сравнительно недавно, в 2007 г., А.В. Коротаяев, В.В. Клименко, и Д.Б. Пруссаков предложили оригинальную теорию возникновения ислама²⁹. Авторы констатировали катастрофическое изменение климата в Аравии VI в., вызванное извержением вулкана в Индонезии (о чем, в частности, свидетельствуют гляциологи, изучавшие антарктический шельф). Сокращение «потолка возможностей» привело к тому, что существовавшие на Аравийском полуострове достаточно сложные государственные или протогосударственные структуры оказались слишком «дорогим удовольствием» и арабские племена перешли к более экономичной кланово-племенной организации. Но для урегулирования отношений между кланами, мобилизации их для решения важных

²⁸ Гумилев Л.Н. От истории людей к истории природы: рец. на кн. Э. Ле Руа Ладюри. История климата с 1000 года / Пер. с франц. Л., 1971 // Природа. 1971. № 11. С. 116-117.

²⁹ Коротаяев А.В., Клименко В.В., Пруссаков Д.Б. Возникновение ислама: социально-экологический и политико-антропологический контекст. М., 2007.

задач (в условиях экспансии соседних «сверхдержав» – Ирана, Византии, Аксума) требовались межклановые и межплеменные посредники. Их роль выполняли многочисленные пророки. Мухаммед был одним из них, в силу ряда причин более удачливым.

В таком подходе без особого труда можно увидеть черты «стиля Ле Руа». В этой работе нет прямых ссылок на него, однако Клименко известен как создатель дисциплины, которую он именует «исторической климатологией», объясняющей в том числе причины взлетов и падений мировых империй³⁰. И он среди авторитетных исследователей, заложивших основы системного подхода к влиянию климата на историю, называет и Ле Руа Ладюри с его «историей климата». Другой автор упомянутой книги о возникновении ислама – востоковед Коротаев – также опирается в своих исследованиях на нашего «браконьера Клио», но уже как на одного из «отцов-основателей» науки о демографических циклах доиндустриальных обществ, сформулированной в «Крестьянах Лангедока»³¹.

3. Сергей Нефедов, уральский историк, занимающийся факторным анализом, воссоздает историю демографических циклов, распространяя свои наблюдения на всю Евразию. Он опирается на того же Ле Руа Ладюри, солидаризируясь с ним в том, что демографические изменения нельзя связывать лишь с климатическими факторами. Факторный анализ позволяет ему, в частности, сделать важный вывод о том, что русская деревня конца XIX в. страдала от недоедания, вызванного в первую очередь демографическими процессами – аграрным перенаселением³².

4. Борис Николаевич Миронов – историк старшего поколения, автор нашумевшей в свое время «Социальной истории Российской империи»³³, основная идея которого заключается в «нормализации» русской истории. Автор отстаивает тезис о том, что при всех национальных особенностях развитие российского общества шло примерно в том же направлении, что и развитие других модернизирующихся стран Запада. И в этом смысле революция 1917 г. скорее была нарушением естественного хода

³⁰ Клименко В.В. Климат. Непрочитанная глава истории. М., 2009.

³¹ Коротаев А.В. Долгосрочная политико-демографическая динамика Египта. Циклы и тенденции. М., 2006. С. 83.

³² Нефедов С.А. Концепция демографических циклов. Екатеринбург, 2007. С. 125-127; *Он же*. Демографически-структурный анализ социально-экономической истории России. Екатеринбург, 2005.

³³ Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. СПб., 1999. Т. 1-2; 2-е исп. изд. СПб., 2000.

вещей. Но в своем последнем исследовании, посвященном благосостоянию населения накануне революции³⁴, Миронов избрал отправной точкой своего исследования антропометрические данные – сведения о росте и массе тела сотен тысяч рекрутов и призывников за последние полтора столетия существования Российской империи. Эти данные свидетельствуют о неуклонном улучшении физических показателей крестьянского населения – улучшении, ставшем особенно заметным после реформ Александра II. Подкрепляя свою гипотезу множеством статистических данных, Миронов приходит к выводу о невозможности считать причиной революции мальтузианский кризис (аграрное перенаселение): причины ее, считает он, лежат в сфере в политической борьбы внутри групп элиты или между элитой и контр-элитой. Для нас важно, что и на сей раз отправной точкой для автора стало старое исследование Ле Руа Ладюри, посвященное перспективам применения количественных методов к анализу антропометрических данных французских призывников³⁵.

Таким образом, идеи Ле Руа Ладюри оказываются востребованными в России не многочисленным и все более разрастающимся отрядом специалистов по методологии, историософии, эпистемологии или историографии, но исследователями³⁶ совсем другого типа – скорее «лисами», чем «ежами». Единства мнений между ними ждать не приходится³⁷, такие люди редко ходят строем, и они никогда не склонны затушевывать имеющиеся между ними научные и даже идеологические противоречия. Но есть между ними и общее – они в чем-то похожи на Ле Руа Ладюри. Они-то и являются его благодарной аудиторией.

³⁴ *Миронов Б.Н.* Благополучие населения и революции в имперской России: XVIII-начало XX века. М., 2010.

³⁵ *Le Roy Ladurie E., Bernageu E.N., Pasquet Y.* Le conscrit et l'ordinateur. Perspectives de recherches sur les Archives militaires de 19 siècle // *Studi Storici*. 1969.

³⁶ Я намеренно не сказал «историками» – из всех вышеперечисленных авторов профессиональным историком является лишь Б.Н. Миронов (да и он – экономист по своему базовому образованию).

³⁷ Так, на страницах электронного журнала «Клиодинамика» развернулась ожесточенная полемика между сторонниками С.В. Нефедова и Б.Н. Миронова. Приведу заголовок лишь одного из ответов Миронова оппоненту: «Ленин жил, Ленин жив, но вряд ли будет жить» – http://cliodynamics.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=112&Itemid=1